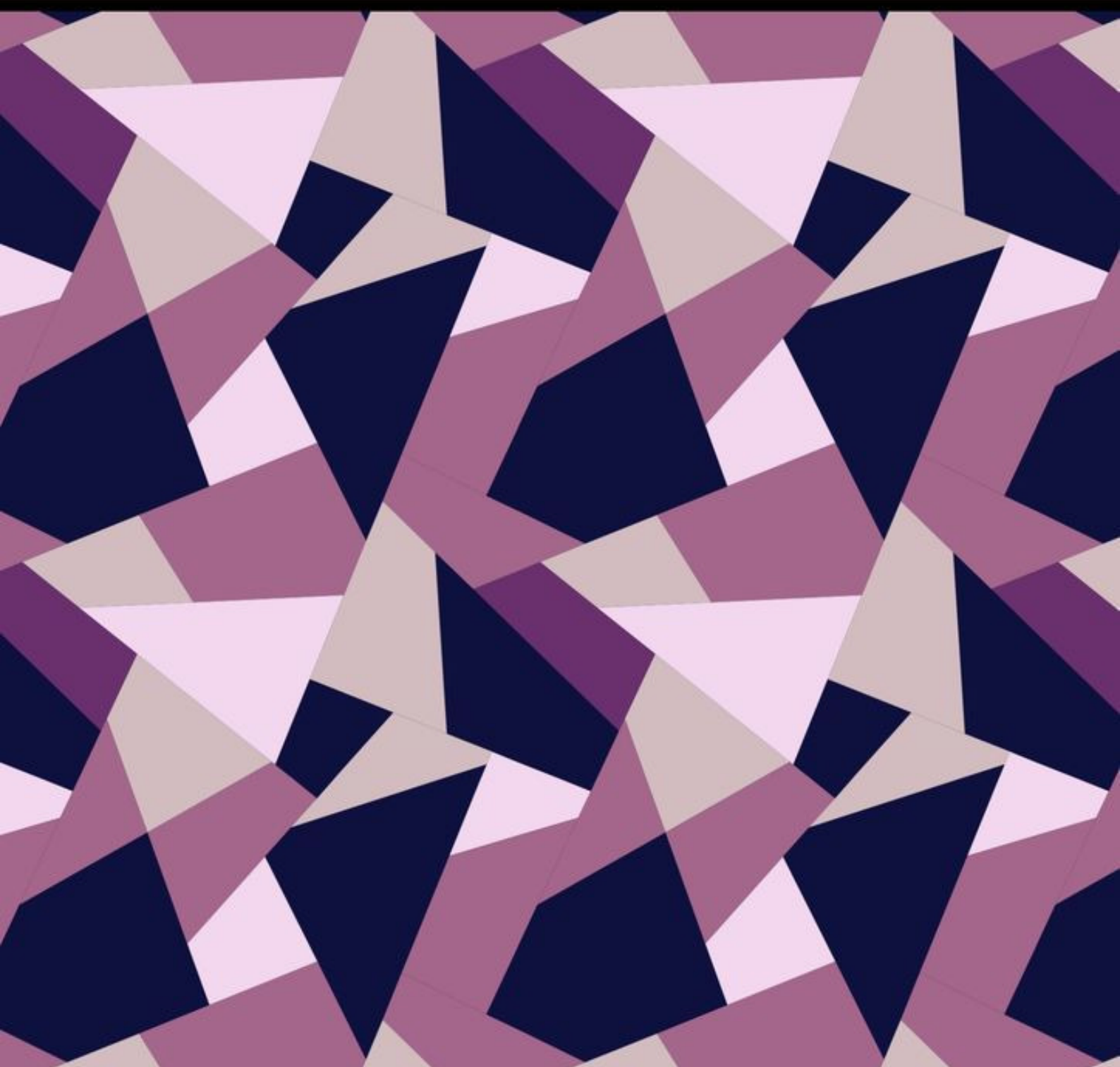

18+ ТАТЬЯНА КУЗЬМЕНКО

Фонтаны Рая и Ада

Наталья Кузьменко
Фонтаны Рая и Ада

«Издательские решения»

Кузьменко Н.

Фонтаны Рая и Ада / Н. Кузьменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557008-6

Книга «Фонтаны Рая и Ада», написанная в стиле фэнтези, поражает воображение. Читатель путешествует между реальностью и мистикой, ищет истину в параллельных мирах. Автор необычайно трактует известные события Ветхого и Нового Заветов, библейских истин и пророчеств, предлагая вам свой ключ к моделированию событий давно минувших времен.

ISBN 978-5-00-557008-6

© Кузьменко Н.
© Издательские решения

Содержание

Фонтаны Неба и Земли	6
Путешествие домой	7
Возвращение в Рай	8
На распутье	9
Маска, я тебя не знаю!	10
Погоня	11
Вопрос вопросов	13
Раб Закона	15
Стражи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Фонтаны Рая и Ада

Наталья Кузьменко

© Наталья Кузьменко, 2021

ISBN 978-5-0055-7008-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фонтаны Неба и Земли

Когда-то в далекие-близкие времена я шлепала по асфальту босыми детскими ножками, подставляла розовые щеки под капли теплого летнего ливня, ловила в лужах дождевых червячков, или топала валеночками по пушистым белым россыпям, катая снежную бабу. Я и мои приятели были самыми счастливыми среди всех дворовых ребят в мире: в центре нашего двора возвышался настоящий большой-пребольшой ФОНТАН, который с весны до осени поливал нас, визжащих от восторга малышей, хрустальными струями. А зимой, когда он мирно дремал в морозной тиши, мы скользили по его замерзшему водяному брюху на коньках.

Летними днями вокруг него, как у домашнего очага, мы играли в дочки-матери, умясь на разноцветных подстилках на травке среди цветов, ловили трутней и жевали зеленые травяные калачики. Два Фонтана, чуть поменьше, переливались радугами на нашей улице с милым названием – Парковая, соединенной с двором узорчатым забором. Это волшебное пространство наших детских игр в Треугольнике Фонтанов, называлось на местном наречии – Дом Водников: в домах, окружавших Фонтаны, жили дети, чьи родители работали в речном порту. Окна их квартир украшали гирлянды сушившихся на солнце серебристых рыбок, приплывших к своему последнему берегу.

Но настоящее волшебство для меня начиналось тогда, когда в разгаре лета двор пустел, и из местных обитателей оставались я да приبلудный пес Гавчик. Мы были большими друзьями, потому что оба любили смотреть в небо.

И вот мы с ним, сложив на травке у фонтана уставшие, набегавшиеся за день лапы, приготовились к действию. Для того, чтобы получше рассмотреть чудо, мы сначала закрывали глаза, а потом очень медленно открывали их, как белые жалюзи на окнах. Сначала были видны только брызги, тут же превращавшиеся в пенистые перины, которые люди зовут облаками. Затем острое, отточенное тренировками, зрение начинало различать мельчайшую водную пыль, а затем и сияющие струи, низвергающиеся из Фонтанов Небесных Чертогов.

О, как прекрасны эти живительные источники, эти прозрачные глаза горних высот, дарящие нам свои призрачные слезы! Их прохладная влага – источник вечной юности. В ней тонет и растворяется горечь жизни, она смывает чистым дождем следы неверных друзей и бывших любимых, превратившихся во врагов. Наша душа и разум обновляются и возрождаются, к ним возвращается молодость, свежесть чувств и радость любви.

Вечная молодость – неизбывная мечта людей с библейских времен, когда, отведав змеиного яблока, они лишились ее, спустившись с неба на землю. И только те, кому доступно лицезреть Фонтаны Неба и Земли, способны сохранить в хрустальных ларцах своей души этот Небесный Дар...

Давно уже где-то вокруг Небесных Фонтанов резвится веселая душа моего верного друга Гавчика, растворился в тумане прошлого мой старый двор, где в фонтанчиках пыли купались вечно юные воробьи, где в самый разгар детских забав нас звали домой вечно молодые мамы, где мощными струями бил в Солнце ФОНТАН, научивший нас всегда находить Источник Силы и энергии сколько бы нам не было лет.

Это роковая связь с Фонтанами Неба и Земли навсегда оставила во мне неизбывный таинственный след, который влечет меня в Бесконечность Невидимых Вселенных, где, может быть, из Иной Воды рождаются Иные Жизни.

Путешествие домой

Мостик. Высохшая речка. Я иду домой. Мне не нравится осень, но что поделаешь, если эта печальная пора суждена абсолютно каждому и всегда возвращается на место, как чертовое колесо к аттракционщику.

Я странница. Путешествую во времени легко и свободно, будто птица в небесной пустоте. Могу переворачиваться, делая кульбиты и сальто мортале, метаться из стороны в сторону, из угла в угол, падать с потолка на пол, но всегда возвращаюсь назад – в мой старый дом. Вот он виднеется из-за почти умершего дерева.

Что заставляет меня вновь и вновь возвращаться сюда, как детский мячик на резиночке? Здесь меня давно ничего не греет и никто не ждет. И мне больше некого замучивать до полу-смерти своей неугомонной любовью. Пусто и тихо в моем старом доме.

Мостик. Я иду по шатким дощечкам мимо ветхого дерева в свой старый дом. Интересно, кто старше – дом или дерево? Желто-красные листья на корявых ветках – пожелтевшая черепица на крыше... Странное соревнование, кто одряхлеет раньше, распадется, рассыплется, покроет пеплом мой милый двор, высохнет и полетит за ветром в никуда, где нет времени и пространства.

Я мечтатель. Метаю мечты в разные стороны, хаотично и в разных направлениях. Надеюсь, что хоть куда-нибудь, когда-нибудь, в кого-нибудь попадет деревянная стрела с резиновой присоской на кончике. И тоже отравит ядом странствий мою половинку или четвертинку, ну хотя бы одну шестнадцатую. Тогда мы вместе сможем болтаться по свету и тьме, болтать на разные темы и хохотать, запрокинув головы. И все это для того, чтобы я могла вернуться на круги своя. В свой старый дом.

Да-да, не смейтесь, именно для того, чтобы погладить старые стены, поглядеть в немые окна, покачаться на скрипучем кухонном стульчике. Что мне до пыльной паутины по углам! Если присмотреться, она похожа на старое мамино выходное платье, которым мы когда-то с ней по очереди мыли полы. А вот рама на стене – здесь был какой-то этюд, написанный папой в тот день, когда он не забыл купить свежие краски.

Старое дерево. Выхожу во двор и направляюсь к нему, чтобы прислониться спиной к его шершавой коре-коже. Поверьте, я знаю, что в юности оно было поэтом и декламировало свои стихи нам, ребятишкам, игравшим в классики. Но мы тогда не слышали никого, кроме себя. Зачем? Что толку кого-то слушать, если все равно забудешь через годы? А вот дерево помнит все и всех. Меня оно сразу узнало. «Это ведь ты сидела с рогаткой на моей правой верхней ветке и стреляла из рогатки в мальчишек?» «Да, это я, мое любимое дерево! Я до сих пор стреляю скобликами во врагов, частенько попадая и в друзей...»

Мой грустный дом – дерево, прости меня, что в вихре перемен я не часто заглядываю к тебе на вечерний чай, чтобы похрустеть бубликами и пошаркать стоптанными тапками. Но мне хорошо от того, что я знаю – у меня есть ты...

Возвращение в Рай

«Ласково цветет глициния, она – нежнее инея...» Соленые от слез русалок волны моря с трудом взбирались на песчаный берег, в надежде немного просохнуть от извечных тоскливых рыданий морских див по земной жизни. Освободившись от излишней влаги, прозрачными языками волны уползали назад в глубокую пасть водной стихии. За ними уже спешили другие, ненадолго вырвавшиеся на волю из плена морского стада. Маленькой девочке, которая шла по краю суши, никак не удавалось поймать хотя бы одну волну, чтобы передать послание подводным плакальщицам: спешите вернуться в рай – здесь цветет глициния, она – нежнее инея!

Розовые босые ножки оставляли на песке отпечатки детства, неясные как воспоминания о счастливых и беспечных днях на другом берегу. Там были камни и бурая пыль, медное солнце и жаркий ветер пустыни. Но глаза бабушки под козырьком ладони всегда светились добротой и лаской. Все растворилось в жарком мареве прошлого, превратившись в пар, словно капля воды на сковородке вечности. Теперь здесь, у милого моря, раскинула свой цветастый шатер весна, разбросала по лугам яркие разрисованные шали и блестящие разноцветные бусы. Легкой рукой чародейка взьерошила пенные прически морских волн, которые сразу напомнили о гроздьях глицинии. Она – нежнее инея!

Теплая земля, усыпанная мельчайшей галькой, приятно согревала девичьи ступни после прохлады моря. Девочка поднималась вверх, туда, где среди кипарисовой рощи красовалось белое здание с колоннами. Это был настоящий дворец, о котором когда-то пели пустынные ветры, шептали по ночам холодные звезды жарких степей и тихо, раскачиваясь в такт, напевала родная бабушка. Девочка всегда знала, что когда-то, очень давно, она уже была в этом призрачном дворце с высокими сводами, стрельчатými арками и мраморными полами. И что когда-нибудь, в недалеком будущем, она вернется туда, чтобы увидеть красоту Земли – цветущую глицинию. Она – нежнее инея!

И вот кипарисы раскрыли свои зеленые объятия, и между коричневых стволов предстал белоснежный дворец, увитый – о чудо! – лианами с нежно-голубыми и бледно-фиолетовыми гроздьями. Сладчайший тонкий аромат вскружил голову, а сердце взмыло ввысь, к удивительным цветам, чтобы навсегда стать одним из них, таким же прекрасным и обворожительным. Девочка побежала за ним, в надежде увидеть, как камень превращается в живое трепещущее существо, наполненное жизненным соком.

На самом верху колоннады стояла женщина в нежно-белых одеждах и улыбалась. Ее лучистые глаза показались удивительно знакомыми, словно из далекого несбывшегося сна, полузабытого и щемящего душу. Подбежав, девочка обняла родное теплое тело и выдохнула: «Ты вернулась?..» «Да, – ответила женщина, – ведь цветет глициния...»

«Ласково цветет глициния, она – нежнее инея. А где-то есть страна Дельфиния и город Кенгуру...» – летела над морем воздушная детская песенка.

На распутье

Он просто не знал, что с ними делать. Мимо проносились зудящие комариные тучи столетий, уплывали тоскливым клином в Никуда тысячелетия, сиротливо и скорбно, как гордый кондор, парила в тишине Вечность, а Он никак не мог решить, как же Ему поступить с ними.

Они таскались по свету в грохочущих телегах, перегрызали друг другу глотки, изобретали плюющиеся огнем стальные гусеницы, завывали дурными голосами, призывая к братоубийству, гоняли по задворкам золотых тельцов, забирались в алюминиевые капсулы, чтобы на пару-тройку пространств удалиться от обитаемой поверхности в необитаемую Пустоту, поджигали тесные муравейники, в которых выводили потомство их соплеменники, с изуверской методичностью убивали все инородное, что не укладывалось в их узколюбое пространство.

– Все, надоели, негодники, – решал Он, посылая им ураганы, эпидемии, извержения вулканов, голод, радиацию и безумие. И когда казалось, что до окончательного вынесения приговора осталась доля мгновения, Его Око внезапно выхватывало из общей массы неких существ, которые своими действиями заставляли Его воздержаться от объявления Конца.

Одни, улавливая тончайшие колебания эфира, пытались перенести горнию информацию на свои расовые табулы, другие, открыв внутренние вежды, летели спасать, делиться, помогать, отдавать, сгорать, добиваться, звать за собой, приносить себя в жертву, искать единственно верный путь, поднимать упавших, отдавать свою кровь. Иные, шли в самую сердцевину горящих треугольников, сражались, преодолевали страх, верили, надеялись и побеждали, открывали двери Знаний.

– Нет, они прекрасны и удивительны, – шептал Он растроганно, посылая им тепло, плодородие, благодать, щедрость, радость и любовь.

А потом все повторялось вновь: переполнялись чаши терпения, жалили терновые венки сомнений и увядали последние цветы надежд.

Он просто не знал, что с ними сотворить, ведь творить ему было присуще: те, кто доставлял ему столько беспокойства и хлопот, называли Его – Творцом, беспрестанно у него что-то просили, требовали и ожидали чудес.

А Он – просто опять не знал...

Маска, я тебя не знаю!

Никогда навязанная мне роль не пускала так прочно корни в мою кожу. Мой внутренний мир пока остается незыблемым, как гранитная кость, выпирающая из земной рваной раны. Я всегда спокоен, как загадочный древний камень Артефакт, спящий веками и желающий про-спать еще столько же, сколько осталось до конца этого света.

Но на публике, жадно шныряющей глазами в поисках театральных страданий, я обязан ломать трагедию и, обливаясь искусственными слезами, путаться в длинных клоунских рукавах. На случай, если иссякнет слезный источник, на моем, белее мела, лице нарисовали жирную черную слезу. Эта безобразная капля по замыслу Великого Режиссера должна была навеки запечатлеть мои душевные муки по поводу вечно прячущейся за декорациями Девочки-Грёзы.

Бледное мелодийно-мелованное лицо меланхолика Пьеро, озадаченного вечным вопросом, а была ли она на самом деле, девочка, окутанная голубой вуалью? Лицо со стершимися от времени чертами, растворенными в солнечном омлете, испекшемся в знойный день на белой сковороде подоконника. Это не оно ли пытается стать барельефом, прорвав ткань свежей побелки нашего потолка? В зеркале плещутся волны его очертаний, смущая зеркальные горизонты. Не его ли профиль пытаются повторить непокорные ветру листья деревьев? Не в его ли глубинную чашу льется белое безмолвие, растворяя в себе миражный сосуд, облюбованный стайкой щебечущих мечтаний?

Вот оно очнулось и возжелало стать Лицом – преддверием Лица, неким подобием младенца, умнеющего не по дням, а минутам. И вдруг – противоречащее белому безмолвию желание: хочу, чтоб у меня были карминные губы! А может каминные, где в серой мраморной раме плещет алый язык огня? Или багровые, отягченные кармой уста с изломанными уголками и рубцами вековых складок? Либо минные, взрывающиеся снарядами гневных слов, невысказанных меланхоликом Пьеро? Но ни в коем случае не карманные, обманно спрятанные в складках одежды, словно суть – за фиговым листом.

Девочка-Грёза с волосами, растворившимися в небесной глазури, со скулами и носиком, ставшими достоянием неземной красавицы. Почему ты оставила на память о себе только губы, легкий поцелуй лепестков чайной розы, испустившей последний вздох в адский полдень. Засыпающий в грохоте будней Пьеро пытается помадной кистью удержать любимый образ...

Роль-роль-роль... трещит в мозжечке допотопный киноаппарат, не воспроизводящий более ни света, ни звука. Щелкает полумертвый моторчик, словно наматывая иллюзорную пленку, где когда-то была запечатлена жизнь Великого Артиста. Жизнь, полная исканий, лучезарных мгновений счастья, божественных откровений, тихого пронзающего душу восторга от сыгранного спектакля и океана любви зрителей. Я потерял себя, как склеротический дед табакерку, дававшую ему возможность начхать на все, что мешало радостно и жадно воспринимать окружающий мир.

Теперь каждый раз, приходя домой после очередного свето-представления, я усердно стираю с лица брызги черных слез осточертевшего мне меланхолика Пьеро, этого никчемного плаксивого клоуна, от которого шарахаются даже добросердечные цирковые лошади, молодцевато гарцующие на арене. Моя кожа стала походить на изжеванный временем пергамент, извлеченный из затхлого склепа. Кажется, только глянь – и лопнет белый саван на остоле мертвеца, умершего при жизни. Длинные рукава уродливого костюма, как смирительная рубашка, мешают мне спокойно и размеренно двигаться даже тогда, когда услужливый костюмер после спектакля сдирает с меня мерзкую распашонку, словно старую змеиную кожу. Мне становится страшно от мысли, что этот сопливый Клоун окончательно взгрызется в мое естество и сгложет душу, как дикий пес берцовую кость антилопы...

О, где ты, Мальвина, невеста моя? Зачем убежала в чужие края?

Погоня

Ничто более не сможет нарушить мое одиночество в этом мире. Мире, где нет Вчера и Сегодня, а есть только Завтра, беспросветное Завтра, которое каждой секундой врывается в вашу жизнь. Неведомо, когда отпела тетива, оттолкнувшая разящую стрелу Вечного Грядущего. Стремителен и непредсказуем ее полет к мишени, которую нам никогда не суждено увидеть. Начала и концы пути покоятся на дне реки забвения.

Которое уж лето на берегу великой Леты валяется старая лодка Харона. Недалече покоятся лохмотья, словно напоминание о некогда загадочном хитоне, облежавшем мрачную фигуру Перевозчика. Остывший след его давно поглотил песок.

Да и зачем ныне возить кого-то с одного берега на другой, если по обе стороны Леты раскинулось Царство Мертвых: здесь умерли души – там истлели тела. Тени и марионетки, передвигаясь, лишь слегка колеблют пространство, сквозь него свободно пролетает стрела времени – вестница Будущего. «Завтра, завтра, завтра-а-а, – доносится шелест и шепот с обоих берегов, – завтра мы освободимся от плена Вечности и бесследно растворимся в Космосе. О, какое это благо – перестать существовать! Перестать быть нанизанным на ядовитое жало этой жуткой стрелы, дающей ощущение времени и себя. Как это прекрасно, когда тебя нигде нет!».

– Безумные желания самоубийц, запрограммированных на духовное и физическое хаарики! Эх, покорные служаки фабрики зомби, вы уже забыли вашего повелителя – того грязного, седого, угрюмого, но грозного старика с огромными, как весла, мозолистыми руками в уключинах предплечий? Он был самым старательным сборщиком налогов, мастером высокого полета. И мог на удивление легким для заскорузлых пальцев движением извлекать обол из-под стиснутых мертвых губ. Наивные родственники покойников, кладя им в рот медную монету как плату за перевоз тела с одного берега реки забвения на другой, думали, что на эти ничтожные гроши те смогут купить жалость великого Танатоса. Жалкие самоуверенные мухи! Вы заплатились за все...

Так, ядовито размышляя, среди духовных и физических нечистот осторожно пробираясь выцветший старикашка, сжимавший в цыплячьей лапке сумку-побирушку. Он то и дело выуживал что-то из мусорных отвалов, торопливо совал в свою потрепанную сокровищницу и трусил дальше, прочь от обреченного града. Поверьте, ему было безразлично, где и как коротать промежуток времени от рассвета до заката. Старикуну нравилось его нынешнее состояние: что-то роковое, как удар колокола, слышится в этом отчаянном слове – БОМЖ. Старик любил голос колокола еще с тех времен, когда под его зычную ноту он отталкивал веслом от берега свою уютную лодку. Столетие минуло с тех пор, как он был отпущен на волю, и уже совсем отвык работать. И был почти счастлив, если бы не зудящее предчувствие неминуемой встречи, которое не давало спать, как перезревший чирей.

До сих пор маячило перед глазами дурное, искаженное гневом лицо этого мерзкого стукача Иуды, и звучал его свистящий шепот: «Я отомщу тебе, Харон!». «А между тем, я ведь был прав, – в несчетный раз доказывал себе старик. – Иуда, как все путешественники в царство мертвых, обязан был выпить стакан воды из реки забвения, чтобы в угодах Тантала не помнить свою прошлую жизнь».

Таково было правило, за его нарушение и получил Иуда по горбатой спине отполированным водами Ахерона веслом Перевозчика. И в холодные воды выпали из черного провала рта пять из тридцати оставшихся серебрянников. «Я отомщу тебе, Харон!» – сказа тогда подлый змей, и можно было не сомневаться, что так оно и будет.

А сегодня старик трусливо бежал из этого города, как из тысяч других, где ему вдруг мерещилась в толпе дикая иудинская ухмылка. Днем, во время заутренней, когда старик сидел на паперти вместе с другими нищими в ожидании милостыни, благочинный вводил во храм

нового священника. Бомж поднял глаза и натолкнулся на злобный сверкающий из-под митры взгляд. То ли почудилось, то ли в самом деле он увидел, как дрогнули тонкие губы, проронивши слова: «Ну, вот мы и свиделись, Харон!»...

Старик уходил, не оглядываясь, превращаясь в обманчивом свете сумерек в одну из куч грязного тряпья, коими изобиловала помойка. Ненужный холмик хлама двигался вперед, словно пожухлый осенний лист без роду и племени, без души и тепла, туда, где живут сотни тысяч таких же диких существ, как бывший Лодочник. Он желал найти такое место на омертвевшей Земле, чтобы наконец-то, через сотню сотен лет, умиротворенно сказать себе: «Ничто более не сможет нарушить мое одиночество в этом мире!»...

Вопрос вопросов

Он был темно-фиолетовый, почти черный, и только бледные тоненькие прожилки белевого цвета роднили его с предшественниками? родственниками? Антиподами? Его нежная упругая кожа казалась моему подслеповатому оку совершенно гладкой, как Материя до сотворения Мира. Но, на самом деле, она была устлана легким ковром ворсинок тоньше паутины. Я озадаченно рассматривала его, не в силах уразуметь: мое ли это сокровище? или чужое? подброшенное мне в насмешку над моей кудрявой? глянцевого? кроной. Дело в том, что мои бледные предыдущие, пастельного цвета творенья? выкидыши? повелители? Отличались от этого земного чуда, словно Небо от Земли после сотворения Мира. Предтечи этого лучезарного монстра, ныне смиренно покоящегося у моих ног? корней? труб? с аппетитом поедались временем и людьми (что для меня, впрочем, одно и то же). Один из них, Наум, считавшийся в Ниневии пророком, говорил о плодах, рождаемых моим воображением? жизнью? судьбой?, что они падают «прямо в рот желающего есть».

Ну что же, мне не было их жаль вовсе, как говорится, Бог дал, Он же взял и вручил другому, более нуждающемуся в наслаждении? мучении? утехе? Так что вокруг меня кормилось много народу, даже тень мою высоко ценили люди Востока, для которых слова «сидеть под смоковницей» – означали мир и благосостояние.

Естественно, и мне было приятно час от часу удивлять этих беспрерывно снующих в пространстве двуногих? многоклеточных? мягкотелых? особей чем-нибудь необычным. Плодоносила я три раза в один год, соблазнительно-заманчивые ягоды извергались из моего чрева без всякого признака цветения и даже прежде целебных листьев.

Как-то еще в добрые ветхозаветные времена Исайя, шесть десятилетий служивший при дворе Царей Иудейских, врачевал листьями моими Езекию. И вот что примечательно, когда этот смельчак пошел против трона, наплевав на руку, кормившую его, то был зажат между кедровыми досками и перепилен деревянной пилой. А если бы между смоковничными? Как знать, может и пожил бы еще старик.

Вспоминаю и прекрасную Авигею, которая принесла Давиду в знак своей вечной любви двести связок смокв. О, это был воистину царский подарок, лакомство, с которым можно сравнить вкус первого поцелуя. Мной не восхищались только слепые или завистники.

И вот теперь я сама с восторгом глядела на этот великолепный экземпляр – такой знойный? экзотический? сочный? – и с лихорадочностью влюбляющейся женщины соображала: плоть от плоти моей этот выходец Ниоткуда, или чужой, занесенный ветром, уже принадлежащей до косточек другой, ветреной смоковнице? Вдруг мое чувство будет поправлено? обречено? отвергнуто? И он, мой желанный, укатится под крону затаившейся в другом конце сада коварной собственницы?

Стояла зима, месяц Адар, и я, как и все смоковницы, росшие поблизости на горе Масличной, близ Иерусалима, отдыхала от трудов праведных: еще не пришло время собирания смокв. Лишь только оставшиеся от былой роскоши листья покрывали мою безгрешную доселе голову. Все обитатели Вифании знали природные законы Создателя: дайте отдохнуть мне, символу благоволения Невидимого к Израилю, и увидите весной первую прекрасную ягоду на плодоносном дереве. Но что значит затменный разум влюбленной, слепа она, словно мир до его сотворения! Если бы не давала волю чувствам, то не свалился бы за шесть дней до Пасхи позор на мою зеленую голову. Тогда бы заметила ты еще издали группу людей в рубищах, впереди коих шел аскет с горящим взором. Он двигался так, словно плавно летел в воздухе, не касаясь скалистой раскаленной земли. Еле-еле попевали за ним другие, двенадцать, называвшие его Искупителем.

Приблизившись ко мне, он узрел сочный темно-фиолетовый, почти черный, неизвестно, как сюда попавший, плод у подножья моего ствола. Затем взглянул вверх и, не увидев на теле моем ни единой смоквы, ничего, кроме листьев, произнес тихо и внятно: «Отныне да не вкушает никто от тебя плода твоего!».

О, горе мне, несчастной! Ничтожным предателем, гадким змеем-искусителем оказался мой темно-фиолетовый возлюбленный, вызвав на мою голову гнев Ангела, сошедшего с Небес!

Может, спасет меня то, что в жизни последующей я буду называться ИНЖИРОМ?..

Раб Закона

Мохнатая гора Мухолатка, казалось, нюхала соленую морскую воду тонким каменным хоботком. Ее щетинистая спина с двумя горбами напоминала с высоты солнца некое насекомое, увязшее лапками в морской прибрежной гальке. Посреди горы топорщился

хрустальными перепончатыми крыльями императорский дворец Великого Везельвула – бога и повелителя Мушиного царства.

Блистательные хоромы плавались в полуденном зное, и пролетавшему мимо путнику могло показаться, что в солнечных потоках вибрируют гигантские сетчатые лопасти, способные поднять вверх даже эту каменную глыбу. Но чудес не бывает – это Везельвул хорошо знал. Миром правит Закон, не им установленный, неотвратимый и жесткий, как небесная огненная стрела Громовержца. И сегодня, именно сегодня, Везельвул обязан был исполнить очередной его постулат.

Императорское тело раскалывалось от безумной боли – предшественницы Метаморфоз. Пытаясь облегчить страдания, Везельвул выполз в сад, всегда радовавший его. Созерцание укрощенных хищных растений, некогда жадно уничтожавший его народ, приносило ему умиротворение, отдохновение от праведных дел управления своим необъятным государством. Он остановился у огромной Пурпурной Сарацении, фонтаном возвышавшейся среди клумб с росянками, росолистами, пузырчатками, *dionaea muscipula* и другими в прошлом беспощадными охотниками за мухами. Но сегодня вид этих укрощенных пожирателей не приносил, как ранее, эстетического удовлетворения, наоборот, яркая окраска растений раздражала, от нее рябило в глазах и ломало виски. Мушиный император бессильно опустил на край толстого лепестка пурпурной кувшинки и прикрыл веки.

О, как любил он свой народ! Как обожал этих вездесущих легкомысленных тварей, молниеносно перемещающихся в пространстве, поблескивая синими, серыми или зелеными боками. Он любил свой веселый и беззаботный народ: от смеха их мягкие, гнущиеся хоботки подрагивали, а воздух наполнялся мелодичным жужжанием. Поистине не было для Везельвула ничего слаще и мелодичней этой радости мушиных гуляний! Да и работать они были мастаки, взять хотя бы полосатых мух-жужжалок или тахин, еще с младенчества способных к борьбе с тлей, губящей все живое. А чего стоят отважные солдаты – слепни и жигалы, без страха атакующие вражеские отряды двуногих и четвероногих врагов. И даже знаменитые десять казней египетских не стали бы возможны без помощи его племени, особенно четвертая – самая страшная среди них.

– О, мой любимый народ! – простонал Везельвул. – Как же я не хочу с тобой расставаться!

Круглое солнце, не удержавшись в верхней точке небосвода, стало скатываться за море. А над его кромкой появились первые черные точки Знамения. Садовые растения начали источать, как казалось Везельвулу, удушливый специфический запах.

– Все-таки их хищное прошлое дает о себе знать, вяло подумал император. – Естественную природу Закона до конца победить не возможно.

– А ты попробуй!

– Кто со мной смеет разговаривать в такой час?

Везельвул не был уверен, что произнес эту фразу вслух. Но голос раздался вновь.

– Мне все можно. Я не знаю страха, который мучает тебя.

Император открыл глаза и осмотрелся. В саду не было никого. «Наверное, уже начались галлюцинации», – мелькнула болью мысль-вопрос.

– Ты не видишь ничего в мире, кроме своих назойливых подданных, раттор. А мы существуем, несмотря на твою нарочитую забывчивость.

– Кто мы? Кто со мной говорит?

– Иные сущности. Это я беру на себя смелость беседовать с тобой. Я – Сарацения Пурпурная – королева кувшинок, которую вы кличете Фонтаном Сада.

– Что сумеешь ты, существо, не способное оторваться от земли! Только мой великий народ может свершить чудо – воскреснуть из мертвых после сотен лет спячки или после освобождения из плена янтаря!

– Не буду спорить, но если ты действительно так веришь в могущество своих соплеменников, то повели им повернуть вспять Великий Закон Метаморфоз. И из темного угла можно вознестись к свету – только воспрянь духом.

– Что ты плетешь, безумная!

Но Лилия уже не отвечала, ее багровые мясистые лепестки вдруг стали влажными, словно на них упала алая кровавая роса. Листья удлиннились и судорожно потянулись вверх. Они деревенели и слипались прямо на глазах, вся эта конструкция при этом вертелась юлой и, в конце концов, превратилась в сияющий сине-красный жезл, который на последнем витке прыгнул в лапы Везельвула. Император сделал слабую попытку освободиться от этой гадины, но жезл прилип намертво. В следующую секунду он почувствовал, как неукротимой силой наливается его тело. Боль исчезла, словно ее никогда и не было, а из стальной груди вырвался в сонную тишину сада звериный вой.

– Асеки! Слушайте меня! Это я, ваш Везельвул!

Своды дворца раскололись, как перезревший орех, и стал виден сизый закат, болтавшийся над морем огромным парусом. А гора Мухолатка лопнула, словно яичная скорлупа, и извергла из себя несметные полчища мух. Зудящей тучей нависли они над местом, где уже в каких-то немыслимых доспехах блистал их император с багровым жезлом, приросшим к его деснице.

– Сегодня страшный для всех нас день! – несся над горами жуткий голос Повелителя мух. – Сегодня день моего сошествия во Ад! Следуя первой букве Закона, я должен превратиться в одного из семи демонов и стать олицетворением зла под землей. Но я не желаю быть ни Сатаной, ни Дьяволом, ни Мефистофелем, ни Люцифером, ни одним из этих мерзких отродий с красной пеленой ненависти на черных глазах. Я хочу быть с вами, мои прекрасные отпрыски! Я хочу жить в мире и спокойствии в нашей удивительной стране. Ты должен помочь мне, мой отважный народ! Я, твой император, призываю всех к бунту! Восстанем против слепого Закона! Не дадим себя уничтожить!

Последние вопли Везельвула слились с воем урагана, уже вовсю бушевавшего над морем. Над мрачной стихией вращалась кровавая луна, словно глаз, вырванный из черепа мертвеца.

– Закройте собой это дьявольское око! – орал раттор, указуя жезлом на обезумевшее светило. – Пусть погаснет этот адов огонь, пусть отступит в небытие и растворится в пространстве Рок, беспардонно повелевающий нами!

Дикая армада, заведенная речью любимого вождя, черной пружиной выстрелила в разбушевавшиеся небеса, закрыв собой оголтелое ночное светило. В ту же секунду их морских глубин взметнулся водяной колосс, раскололся надвое и хлынул на берег, поглощая и сад, и императорский дворец, и самого Везельвула, и мохнатую гору Мухолатку...

...Сознание медленно вливалось в изменившееся до неузнаваемости тело экс-повелителя мух. Он пошевелился и открыл глаза. Высокие темные своды – первое, что он увидел, – поблескивали крошечными антрацитовыми звездочками, даря пещере сумеречный свет. Везельвул сел и ощупал себя трехпальными конечностями: жесткая серая шерсть покрывала некогда глянцевого фиолетового тела раттора.

– Ну как, нравится? – раздался в тиши уже знакомый голос. – Теперь ты красив, как и мы все, – металлический смешок покатился и рассыпался по углам.

– Где я? – с трудом двигая челюстями, проскрипел Везельвул.

– В Месте, Лишенном Света, – был ему ответ.

– Кто ты?

– Зови меня, как прежде, – мой Фонтан, Сарацения Пурпурная, – прохладные щупальца коснулись его включенной головы.

– Ты, тварь, обманула меня! – ринулся вперед Везельвул, но не смог сдвинуться с места, лишь только вязкий воздух колебался вокруг него.

– Я была лишь орудием Закона, а ты – Раб его! – стрелой вонзался в уши раттора железный голос. – Замри и слушай! Ныне и присно, и вовеки веков ты – Асмодей, царь демонов! И я повелеваю тебе...

Стражи

Можно сказать, что я был счастлив. Вообще всех представителей нашего рода считали удачливыми: мол, не успеют они к чему-либо прикоснуться, как сразу же их осыпает манна небесная, нектар и амброзия, и из рога изобилия льется золотая река. Что и говорить, нашему клану вплоть до сто первого колена поклонялись все представители фамилии раджей, которые жили во Дворце несколько последних столетий. Каждый из моих родственников опекал одного из членов семьи правителей нашей державы: как только у раджей рождался ребенок, к нему сразу же приводили одного из наших, чтобы с младенчества дети стали родными и никогда больше не расставались.

Как же это может быть, спросите вы. Разве может животное стать родным братом или сестрой человеку? Единственное, в чем наша схожесть, – это четыре конечности, пусть даже разной конфигурации. Но во всем остальном мы отличались существенно: огромные уши, большой хобот, маленький хвост – всего этого у людей не было! И, тем не менее, нас связывало нечто большее, чем братская любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.